

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
Кафедра управления и предпринимательства

А. П. Прохоров

**ЭКОНОМИКА
ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Учебно-методическое пособие

Ярославль
ЯрГУ
2020

УДК 338(470.316)(07)
ББК У9(2Рос-4Яро)я73
П84

*Рекомендовано
Редакционно-издательским советом университета
в качестве учебного издания. План 2020 года*

Рецензент
кафедра управления и предпринимательства ЯрГУ

Прохоров, Александр Петрович.
П84 Экономика Ярославского региона : история и современность : учебно-методическое пособие / А. П. Прохоров ; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. — Ярославль : ЯрГУ, 2020. — 44 с.

Пособие содержит материал об экономике Ярославского края с древнейших времен до наших дней. Акцент делается на специфике социально-экономических процессов. Рассматривается влияние этой специфики на отраслевую структуру и долгосрочные демографические, экономические и социальные тенденции.

Предназначено для студентов, изучающих дисциплины «Экономика Ярославского региона», «Власть, собственность и элиты на региональном и муниципальном уровнях Ярославской области», «Формирование и управление командами в региональных и муниципальных органах власти».

УДК 338(470.316)(07)
ББК У9(2Рос-4Яро)я73

© ЯрГУ, 2020

Введение

При изучении таких учебных дисциплин, как «Экономика Ярославского региона», «Власть, собственность и элиты на региональном и муниципальном уровнях Ярославской области», «Формирование и управление командами в региональных и муниципальных органах власти», студенты сталкиваются с нехваткой информации об экономической специфике ярославского региона, о глубинных причинах особенностей местной экономической и социально-политической жизни.

Для понимания указанных учебных дисциплин нужно рассматривать региональную экономику не как «моментальную фотографию» сегодняшнего набора отраслей, а как очередной этап длительного и непрерывного экономического развития региона. Что касается оценки перспектив социально-экономического развития нашего края, то она возможна лишь на основе сопоставления долгосрочных тенденций, заложенных еще столетия назад.

Указы царей и императоров, декреты Совнаркома, постановления партии и правительства, законы РФ, вся мощь государственного аппарата, сталкиваясь с нашими региональными особенностями, модифицировали свое действие и давали результаты, несколько отличавшиеся от тех, что имели место в других регионах.

1. От присваивающего хозяйства — к производящему. Славянская колонизация и развитие земледелия

При изучении данной темы следует принять во внимание неравномерность экономических и демографических процессов. Холодные или слишком теплые зимы, засушливые или, наоборот, слишком дождливые летние месяцы приводили к голоду и снижению численности населения. Студенты должны понять, что только длительный временной отрезок позволял увидеть прогресс, а современники его просто не замечали.

На протяжении 1-го тысячелетия нашей эры на территории Ярославского края безраздельно господствовало «присваивающее хозяйство» — охота, рыболовство, собирательство. Лишь в узкой полосе по берегам озер и в поймах рек можно было заниматься скотоводством — вся остальная площадь была покрыта лесами. Населявшие наши леса угро-финские племена меря и весь обрабатывали железо и пользовались железными орудиями. В середине 1-го тысячелетия родовой строй у мери сменился общиной, состоящей из больших и малых семей. Такая прогрессивная социально-демографическая структура впоследствии позволила угро-финским племенам успешно воспринять достижения более развитой славянской земледельческой цивилизации и интегрироваться с ней. Когда решения по хозяйственным, имущественным, семейно-брачным и прочим вопросам принимает не весь род за каждого человека, а отдельная семья за себя, то люди меньше держатся за традиции, ведут себя более рационально и охотнее перенимают чужой опыт.

С IX в. началась славянская колонизация территории Ярославской области. Природные условия оставляли для передвижений только одну возможность — по рекам. В Средневековье они были единственными «дорогами» в наших краях. Пробираться по лесам было невозможно. Сегодняшние, вполне проходимые леса представляют собой результат труда нескольких поколений лесников, вырубавших и вывозивших из леса погибшие деревья, так называемый «сухостой». Другой распространенной формой ландшафта были болота.

Поэтому первые переселенцы — ильменские словене — пришли к нам с северо-запада по рекам Мсте, Мологе, по Волге и её правым притокам, по левым притокам Клязьмы. С верховьев Днепра шли кривичи. Позже, с конца X — начала XI в., с юга и с юго-запада по Оке и её притокам переселялись вятичи. Это было неорганизованное движение, не имевшее отношения к княжеской власти.

Славянская колонизация Северо-Восточной Руси, к которой относилась и нынешняя Ярославская область, проходила в форме сельскохозяйственного освоения территории по технологии подсечно-огневого земледелия. Крестьяне рубили в лесу деревья или подсекали их, подрезали кору, чтобы они высохли. Через год лес сжигали и сеяли семена зерновых прямо в золу, которая становилась удобрением. Поле после пожара давало хороший урожай первый год без обработки земли; потом требовалось рыхление участка ручными орудиями. Через несколько лет почва истощалась, и её, как правило, использовали как сенокос или пастбище в течение 10–12 лет. Затем поле забрасывали; оно снова зарастало лесом.

Подсечно-огневое земледелие требует большого количества незанятой земли; за счет больших физических усилий на рубку леса трудозатраты на единицу площади примерно вдвое выше, чем при пашенном земледелии. Но хорошее плодородие новых полей оправдывает такую технологию: в пересчете на собранный урожай трудозатраты при подсечно-огневой системе в несколько (по разным данным, от 1,5 до 15) раз меньше, чем при пашенной.

Такая форма земледелия требует менять время от времени место поселения. Поэтому подавляющее большинство разбросанных по лесам русских деревень насчитывало всего один — два двора. Даже при начавшемся закате подсечно-огневой системы, в XV в., в таких одно-двухдворках проживало около двух третей населения. Временный характер жилищ неизбежно приводил к неустроенному быту, невниманию к имуществу, комфорту и удобствам; закладывал в менталитет наплевательское отношение с материальной стороне жизни.

Вместе с тем такая схема расселения обеспечила стратегическую неуязвимость перед лицом кочевых, в первую очередь татарских, набегов. Захватчики систематически разоряли города

(в которых тогда жило около 3–5 % населения) и блокировали торговые пути, но физически не могли добраться до спрятанных в лесах и болотах деревень. Ордынцы даже дань с них не могли собрать и вынуждены были поручить эту задачу московскому великому князю, тем самым вырастив своего могильщика. Поэтому монголо-татарское нашествие стало политической и культурной катастрофой, но не повлекло за собой сопоставимую по масштабу катастрофу экономическую и демографическую. В пережившей Батыев погром Северо-Восточной Руси (в том числе и в Ярославском крае) не наблюдалось ни долговременного запустения земель, ни массового исхода населения в те районы, куда не дошли татары (например, в новгородские владения или на территорию нынешней Белоруссии).

В отличие от XIX–XX столетий, освоение нового хозяйственного уклада не вызывало уничтожения предыдущего уклада и соответствующего ему образа жизни. Оттого что главной отраслью стало земледелие, не исчезли семьи профессиональных рыбаков и охотников. Дело в том, что меря и весь по-прежнему занимались так называемым «присваивающим хозяйством» и сохраняли традиционный уклад, а пришлые славяне вели хозяйство «производящее», выращивали хлеб и скот, как они привыкли это делать. На территории Ярославского края такая структура экономики гарантировала мирное сосуществование и последующую ассимиляцию.

Более того, и для коренных угро-финнов, и для пришлых славян соседство с другим хозяйственным укладом было экономически выгодно. Охотники и рыболовы получили возможность обменивать дичь, меха и рыбу на продукцию растениеводства и за счет этого пополнять свой рацион дефицитными для них углеводами. А земледельцы-славяне благодаря таким обменам сразу получили доступ ко всем остальным дарам природы, для освоения которых угро-финнам потребовалось накопить тысячелетний опыт. Поэтому славянская колонизация Ярославского края, по-видимому, повысила уровень жизни и численность коренного населения. Аналогичная ситуация, сложившаяся спустя шесть — семь столетий в Сибири, привела к тому, что вскоре после прихода русских «ясачное» (коренное, платившее русским дань — «ясак») население увеличилось втрое (по данным русских переписей).

В долгосрочной перспективе, по мере вырубки лесов, распашки земель и вызванного этим сокращения охотничьих и собирательских угодий, был бы неизбежен антагонистический конфликт между охотниками-собираателями, с одной стороны, и земледельцами-скотоводами — с другой. Однако благодаря обилию незанятых земель полное хозяйственное освоение территории Ярославской области крестьянами заняло несколько столетий, в течение которых угро-финны и славяне полностью ассимилировались, так что конфликтовать стало не с кем.

Осторожная интерпретация данных ордынской переписи 1274–1275 гг. определяет численность населения на территории нынешней Ярославской области в несколько сот тысяч человек, что означает плотность населения порядка 10 человек на квадратный километр. Выход на такую плотность означает, что этап подсечно-огневого земледелия исчерпал свой потенциал. Начался медленный, растянувшийся на века переход к пашенному земледелию, т. е. к постоянной обработке одних и тех же участков земли. Вплоть до начала XX столетия в пашенном земледелии преобладала так называемое «трехполье», когда часть пахотной земли занимали яровые культуры, часть — озимые, а остальное оставалось «под паром», т. е. «отдыхало» без обработки, восстанавливая плодородие.

С каждым новым поколением крестьяне накапливали опыт и понемногу совершенствовали агротехнику, но из-за истощенности почвы, «выпаханной» за долгие годы, и из-за вынужденной распашки малопригодной земли, урожайность не росла. На Ярославщине в XVIII в. она оставалась такой же, как в Средневековье: сам-два или сам-три, в хорошие годы сам-четыре (от 5 до 9 центнеров с гектара), т. е. на пуд семенного зерна собирали два — четыре пуда урожая.

Хлебопашество на наших бедных подзолистых почвах было выгодно лишь в силу их естественной защищенности от кочевых набегов. Чем большая часть земли обрабатывалась, тем ниже становилась эффективность сельского хозяйства по сравнению с другими отраслями экономики. Оптимальный уровень плотности сельского населения был превышен, по-видимому, в XVIII в. В конце XVIII столетия территория губернии была меньше сегодняшней (31 тысяча квадратных километров вместо 36,4), а насе-

ление — 796 тысяч жителей, т. е. плотность 25 человек на кв. километр (сегодня — 34).

В XVI–XVII вв. Ярославский край вывозил хлеб в другие регионы Московского царства. С начала XIX в. хлеб сюда стали завозить, в годы 1-й Мировой войны уже две трети хлеба в Ярославскую губернию ввозилось извне. А в невоенном 1928 г. в хлебе нуждались 362 тыс. ярославских крестьян (по данным ОГПУ); на селе недоедали.

Вопросы для обсуждения

1. Почему славянская колонизация на территории Ярославского края не сопровождалась конфликтами с коренным населением?

2. Какой из хозяйственных укладов был наиболее разрушительным для экологии Ярославского региона: подсечно-огневое земледелие, промышленность XX столетия или что-то иное?

2. Городское ремесло и торговля. Государство и экономика

Трудности, с которыми сталкиваются студенты при изучении данной темы, связаны с их привычным, современным взглядом на роль государства в экономике. Надо понять, что характерного для наших дней повсеместного предоставления людям и организациям тех или иных государственных услуг в рассматриваемый период просто не было.

Ярославский край, как и вся Северо-Восточная Русь, был покрыт сетью городов. На протяжении первых столетий после начала славянской колонизации средний размер города был невелик, порядка нескольких сот человек. Деревянные городские стены давали защиту купцам и ремесленникам, а городская торговля «склеивала» воедино рыхлый хозяйственный комплекс, разбросанный на обширной территории. Низкая плотность населения и отсутствие дорог не позволяли ремесленникам жить в деревнях — там некому было продавать их изделия.

По мере повышения плотности сельского населения города также увеличивались в размерах, становилась заметной их специализация на тех или иных отраслях. Число жителей измерялось уже не сотнями, а несколькими тысячами. Соответственно, скученность тысяч людей на ограниченном пространстве повысила угрозу эпидемий. Так, в 1654 г. моровая язва в Переславле унесла жизни 3,5 тысяч человек из 4,5 тысяч населения.

После покорения Москвой Казанского и Астраханского ханств в 1562 и 1556 г. волжский торговый путь стал свободен, и в Ярославском крае произошел перенос деловой активности с «глубинных городов», расположенных на озерах — Ростова и Переславля, — на волжские города: Ярославль, Углич, Романов, Рыбную слободу. В середине XVI в. Московское царство стало по Белому морю напрямую торговать с Англией, затем с Голландией. Торговый путь из Москвы до Архангельска проходил через Переславль, Ростов, Ярославль.

Выселение Иваном III старинных купеческих семей из Новгорода дало Ярославлю бесценный актив — традиции, опыт и коммерческие связи ганзейского города, участника мировой торговли. Вероятно, из Новгорода происходили ярославские купеческие семьи Скрипиных, Светешниковых, Гурьевых. Ярославское купечество богатело и увеличивалось численно. Во второй половине XVII столетия, в «золотой век» Ярославля, из 100 купцов гостиной сотни (деловой элиты Московского царства) 30 были ярославскими купцами. К 70-м годам XVIII в. в губернии было уже 1 550 купцов (из них в Ярославле 541) — вдвое больше, чем дворян.

Ярославль, находившийся на пересечении волжского торгового пути и дороги из Вологды в Москву (от Архангельска до Вологды товары везли по рекам), оказался в роли средневекового «хаба». В Ярославле заморские товары распределялись — одни отправлялись вверх по Волге, другие вниз, третьи везли в Москву. Данное обстоятельство предопределило расцвет города в XVII столетии. Если в 1614 г. в городе был 861 населенный двор, то в 1631 г. — 1 850 дворов, в 1646 г. — 2 289 дворов. В этот период Ярославль стал вторым по численности населения и экономической мощи городом страны.

32 торговых ряда на ярославском рынке насчитывали до 800 торговых мест. В середине XVII в. в городе было 17 видов реме-

сел, в каждом из которых выделялись многочисленные специализации. Например, работали не универсальные пекари, а хлебники, калачники, пряничники, пирожники, бараночники. Одежду шили портные, сарафанники, шубники, чулочники, рукавичники. В кузнечном деле выделялись ножовщики, замочники, гвоздильщики и так далее. Всего 98 узких специальностей. По всей стране расходились ярославское полотно, холст, полотняные рубахи, кожи и обувь, особое «белое мыло».

Начатое в 1703 г. строительство Санкт-Петербурга обесценило торговый путь Москва — Архангельск. Ярославль лишился функции «хаба»; ярославские купцы оказались на периферии тогдашней коммерции. На протяжении большей части XVIII в. население города сокращалось (с более чем 20 тысяч по переписи 1710 г. до 15 тысяч в 1777 г.). Спад в торговле повысил значение ремесленного производства. К середине XVIII в. число видов ремесла в Ярославле достигло 36, более чем удвоившись за сто лет. К традиционным ремеслам добавились слесарное, штукатурное, колокольное, каретное, изготовление медной и оловянной посуды. К концу XVIII в. в Ярославле работали 32 кустарных кожевенных завода (по другим данным — 46), 21 крупяное производство, 13 свечных, 11 кирпичных.

Наличие свободной рабочей силы привлекло в Ярославль промышленников — основателей мануфактур, что открыло новую главу в экономической истории нашего края. В 1722 г. ярославский купец Максим Затрапезнов и голландец Иван Тамес основали Большую Мануфактуру (сейчас — текстильный комбинат «Красный Перекоп»). Поначалу на 172 станах трудилось полтысячи рабочих, к середине столетия — 1 406 человек (860 мужчин и 546 женщин).

К концу XVIII в. в Ярославле работали 9 шелковых мануфактур, в том числе крупные. Так, на мануфактуре купца Угличанинова работала тысяча человек, у купца Красильникова — 200. В 1784 г. в городе открыли типографию. К концу столетия структура занятости горожан радикально преобразилась. 4 тысячи (21 % населения, включая детей) были мануфактурными рабочими (в Ярославле существовало 13 мануфактур), в то время как в ремесленном производстве занято всего 3,5 %.

Ростов. Благодаря глубинному расположению город был менее подвержен татарским набегам, поэтому Ростов был многонаселенным; развивались промыслы: солеварные, рыбные, строительные, колокольные. Много рабочих мест создавали княжеский и митрополичий дворы. Упадок Ростова начнется с расцветом Волжского торгового пути. По сравнению с другими городами Ростов не был заметным центром ремесла; ростовчане жили огородничеством и торговлей (в городе было 750 лавок). Знаменитая на всю Россию ежегодная Ростовская ярмарка длилась 2 недели и в конце XVIII в. давала 3,4 млн рублей годового оборота. В XVIII столетии появилось несколько мануфактур.

Углич. Город был крупным ремесленным и торговым центром. Известно, что при пожаре в Угличе в 1491 г. сгорело 500 дворов и 20 церквей. В XVIII столетии в городе успешно развивались ремесла: кожевенное, сапожное, серебряное, кузнечное, выделка овчин, шитье одежды. В 1730-х гг. купец Переславцев построил две писчебумажные мануфактуры.

Переславль. Главными преимуществами города были, во-первых, расположение в плодородном и давно обжитом районе, во-вторых, торговый путь через Переславль из Москвы на Белоозеро (через Углич), на Владимир, на Ярославль, Кострому, Нижний Новгород. Расцвет Переславля пришелся на XIV–XV вв., затем он начал терять свое значение и сосредоточился на «обслуживании» своей сельской округи.

Романов всегда был небольшим городом с развитой торговлей. Например, в 1759 г. на 340 домов приходилось 190 лавок. Кроме торговли, основными источниками дохода романовцев были огородничество и работа по найму на волжских судах.

Рыбная слобода (с 1777 г. — Рыбинск) начиная с XVIII в. находилась в наиболее выгодном положении. В городе происходила перевалка грузов, идущих с Волги в Санкт-Петербург по Вышневолоцкой водной системе, на суда с мелкой осадкой. Аналогичной перевалки требовали и грузы, направлявшиеся через Рыбинск вверх по Волге, т. к. выше города Волга была неглубока. На сезонные погрузо-разгрузочные работы нанимались десятки тысяч крестьян-отходников. Кроме того, ежегодно в Рыбинске строились сотни барок (также руками крестьян соседних уездов). Продовольственное и прочее обеспечение сезонной рабочей силы было важ-

ным источником доходов жителей Рыбинска (в городе 220 лавок). Развивалась и промышленность. К середине XVIII столетия в городе существовали 4 полотняных и писчебумажных мануфактуры. До 1780 г. работала стекольная мануфактура.

В **Данилове** в XVIII в. была сотня лавок и развитое ремесло: кузнечное, плотницкое, выделка кожи и пошив кожаных изделий. Появились и маленькие «заводики» — 6 свечных и 2 крашенинных.

Всего в Ярославском крае за первую половину XVIII столетия было создано 14 мануфактур в полотняной, писчебумажной и шелковой отрасли. Постоянные рабочие были, как правило, крепостными (в промышленности их называли «посессионными»), а по окончании сезона сельхозработ к ним присоединялись наемные работники из деревень. Доля вольнонаемных в полотняной промышленности составляла 30–50 %, в шелковой больше. К 1794 г. в нашем крае насчитывалось уже 34 мануфактуры. Разумеется, предприятий на домануфактурной стадии развития было больше (148, из них половина в Ярославле), но динамика складывалась не в их пользу.

На протяжении XVIII столетия на территории Ярославского края вызревала неблагоприятная для городов тенденция переноса городских ремесел в сельскую местность. Повысившаяся плотность населения, появление дорог, развитие денежного обращения сделали возможным ремесленный труд в селах и даже в деревнях. Деревенские кустари находили рынок сбыта как в соседних населенных пунктах, так и в уездных городах. Городские ремесленники стали терять конкурентоспособность, т. к. на селе жизнь дешевле и за многие виды товаров и услуг не надо платить деньгами.

Государство в хозяйственную жизнь почти не вмешивалось, ограничиваясь взиманием налогов и сборов. Исключение составляла лишь мануфактурная промышленность, которой власть, начиная с Петра I, занималась в режиме «ручного управления». Поэтому государственный аппарат был, по нынешним представлениям, невелик и стоил относительно недорого.

Положение изменилось при Екатерине II. После резкого увеличения численности госаппарата (при создании Ярославского наместничества в 1777 г.) полный штат чиновников всех уровней в Ярославле и уездах составил тысячу человек. Впрочем, в процентах к населению это примерно в 3 раза меньше, чем в тогдаш-

ней Франции, и существенно меньше, чем в сегодняшней Ярославской области. Губернская реформа Екатерины II сделала государственный аппарат достаточно дееспособным для проведения масштабных мероприятий. Так, первый ярославский губернатор А. П. Мельгунов смог выполнить приказ о массовом переселении людей в отвоеванную у турок Малороссию (правда, вместо крестьян он выселил туда всех цыган губернии).

Экономика государственного управления была несложной. 84 % доходов Ярославской губернии составлял взнос по питейным сборам. Его платили в казну дворяне, владевшие на территории Ярославского края 740 винокурнями и винокуренными заводами (их доходность после расчетов с государством составляла от 50 до 330 %. Неудивительно, что к середине XIX в. масштабы винокуренного производства удвоились по сравнению с началом века).

Ключевыми для губернских финансов вопросами питейных сборов (а также весомым соляным налогом) ведало (например, в 1796 г.) 7 человек, включая канцелярских служащих (в том числе 2 винных и 1 соляной пристав). Всего же в финансовом ведомстве Ярославской губернии того времени по штату числился 21 человек, считая вместе с уездными казначеями. Сопоставьте это количество с шестью сотнями компьютеризированных финансистов, служащих сегодня в областном управлении казначейства, областном и ярославском городском департаментах финансов, плюс около 130 в финансовых отделах в районах области.

Вопросы для обсуждения

1. Где была больше средняя продолжительность жизни — в городах или в деревнях?

2. В каком столетии: XVII или XVIII — ярославская экономика развивалась успешнее, почему?

3. Почему власть могла обходиться гораздо меньшей, чем в наши дни, численностью государственного аппарата?

3. Сельское хозяйство Ярославского края в XVIII–XIX веках

При изучении данной темы студентам важно понять принципиальные различия в экономическом положении крестьянина Ярославской губернии и жителя сегодняшней Ярославской области. Тогдашний крестьянин не мог существенно увеличить свой доход. Он зависел от величины и качества земельного надела, от погоды, от жадности бурмистра и помещика. Сменить профессию на более выгодную, сменить работодателя — для крестьянина все это было практически невозможно.

В XVIII в. сельское хозяйство Ярославского края «уперлось в потолок» своих возможностей. Территория была усеяна мелкими деревеньками. Все пригодные под пашню земли уже распаханы. Приходилось вовлекать в оборот неплодородные и неудобные участки. Поэтому ярославские помещики все чаще приходили к неутешительному выводу, что выгоднее не заставлять крепостных обрабатывать господскую землю, а «отпустить» их на оброк, заранее оговорив сумму, которую каждый крестьянин должен принести барину по итогам хозяйственного года. В начале XVIII столетия на территории Ярославского края оброк составлял в среднем 1–2 рубля, в конце века — 5–6 рублей (что превышало цену коровы). Во второй половине столетия у нас 78 % крестьян были на оброке, и только 22 % — на барщине.

Нахождение на оброке и работа на барщине — два разных образа жизни. Поскольку на барщине крестьянин не заинтересован в конечном результате, помещик вынужден его постоянно контролировать и побоями принуждать к работе. По данным петербургского историка Б. Миронова, помещики, использовавшие барщину, применяли телесные наказания крестьян в 83 (!) раза чаще, чем помещики, практиковавшие оброк. Оброчных крепостных секли, как правило, раз в году, за недоимку (уплата оброка в полном размере была скорее исключением, чем правилом). Даже в случае удачного заработка мужики предпочитали вытерпеть побои, но утаить от барина часть доходов.

Оброчные крестьяне более самостоятельны, инициативны, имеют вкус к материальной стороне жизни, в то время как бар-

щинный крестьянин мечтает только о том, чтобы его оставили в покое. Так низкая урожайность наших подзолистых и серых лесных почв обернулась высоким качеством ярославской рабочей силы. Барщинный крестьянин ищет способ уклониться от работы, а оброчный ищет дополнительный заработок. Существовали два варианта такого заработка: во-первых, отходничество, во-вторых, занятие торговым земледелием или каким-либо местным промыслом. Торговое земледелие и местный промысел удобнее в бытовом и психологическом плане, но отходничество выгоднее. С каждым поколением все большая доля ярославских крестьян выбирала отход: 57 тысяч в 1780 г., 75 тысяч в 1800, в 1840–50-х — более 100 тысяч (до 25 % взрослого мужского населения).

Торговое земледелие в нашем климате предполагало сокращение посевов зерновых в пользу так называемых «технических культур», т. е. являющихся сырьем для промышленности. Ярославский, Ростовский и Угличский уезды специализировались на льноводстве (2/3 всего льна губернии). Жители Ростовского уезда занимались торговым огородничеством, выращивая на продажу зеленый горошек, цикорий и лук. В Мологском, Мышкинском, Ростовском, Рыбинском и Угличском уездах разводили крупный рогатый скот и торговали молоком и мясом. Село Семибратово Ростовского уезда стало центром торгового птицеводства.

Что касается промыслов, то значительная их часть была связана с Волгой, которая давала доход примерно трети жителей Угличского, Рыбинского, Мологского, Романово-Борисоглебского и Ярославского уездов. Летом крестьяне занимались коноводством — поднимали суда вверх по рекам на конной тяге, зимой заготавливали лес и подвозили его к берегу для летнего сплава. Жители деревень по рекам Шексне и Мологе зимой строили барки, а весной сплавляли их с грузом дров и строевого леса на продажу в Рыбинск или далее вниз по Волге.

Сотни кузниц в Норской слободе под Ярославлем и в селе Бурмакино делали стремяна, пряжки, мундштуки и удила (в том числе для армии). Кузнецы Мологского уезда поставляли гвозди, скобы и прочие металлоизделия, необходимые в судостроении. 150 кузниц села Заозерье Угличского уезда позволяли жителям вообще не пахать землю. В Романово-Борисоглебском уезде был развит овчинно-шубный промысел, в Мышкинском — горшеч-

ный. В Пошехонском, Даниловском и Мологском уездах занимались заготовкой леса и деревообработкой (пилили тес, получали деготь, смолу и скипидар), изготавливали сани, телеги, колеса, деревянную утварь. В Ростовском, Угличском и Ярославском уездах ткали на продажу холст и полотно.

Торговые села (например, Великое и Вятское) переставали выращивать хлеб, ограничиваясь возделыванием огородов. Основной доход им давала торговля, в том числе на сельских ярмарках. Их жители фактически вели городской образ жизни; в торговых селах были постоянные торговые ряды и гостиные дворы.

В сельском хозяйстве вплоть до отмены крепостного права наблюдался застой. Перед реформой 1861 г. в Ярославской губернии насчитывалось 976 866 жителей, в том числе 814 780 крестьян (84 % населения). 557 тысяч крестьян были крепостными (57,07 % населения губернии), остальные — государственными. 28 тысяч крепостных (примерно один из двадцати) были дворовыми людьми, т. е. личными слугами дворян.

Крепостными владели 2 810 дворян, в среднем примерно по 200 на каждого. Имущественное расслоение среди помещиков было гораздо заметнее, чем в крестьянской среде. 65 богатых дворян владели более чем по 500 душ (т. е. крепостных мужского пола); всего им принадлежало 80 929 душ. На территории Ярославской губернии располагались имения представителей элиты Российской империи: князей Голицыных и Гагариных в Ярославском уезде, Воронцовых — в Даниловском. Граф Шереметьев был собственником 90 тысяч десятин (почти тысяча квадратных километров!) в Угличском и Ростовском уездах, граф Мусин-Пушкин — 76 тысяч десятин в Мологском уезде.

К этому времени 61 % крепостных крестьян платил только оброк, 9 % работали на барщине, 30 % несли смешанную повинность. Среднедушевой крестьянский надел в помещичьих имениях губернии составлял менее 5 десятин (1 десятина = 1,09 гектара), средняя величина оброка в 1850-х гг. — 10 руб. 54 коп. на душу. Это был очень большой оброк; только в трех губерниях страны (богатой Петербургской, плодородных Саратовской и Самарской) его размер был выше. Такой оброк косвенно свидетельствует не столько о доходности сельского хозяйства, сколько

о больших заработках ярославских крестьян в отходе и на местных промыслах.

Государственные крестьяне платили казне оброк в меньшем размере: 2 руб. 30 коп. с души, хотя средний душевой земельный надел у них был чуть выше: 5,04 десятины. Однако они, кроме оброка, должны были нести повинности: дорожную, подводную, строительную, т. е. бесплатно работать на местные власти.

По итогам реформы средний крестьянский надел снизился до 4,1 десятины. Поскольку ярославские помещики раньше жили в основном оброком, то после реформы они, в большинстве случаев, не вели свое хозяйство на основе наемного труда, а продавали землю или сдавали её в аренду крестьянам, купцам и мещанам. Если в 1877 г. дворянам принадлежало 62,8 % частной земли (правда, 72 % этой земли представляло собой лес), то уже в 1887 г. — 49,1%, в 1905 — 30,1 %. Крестьяне же покупали землю, увеличив свою долю с 26,7 % в 1877 г. до 35,6 % в 1887 и до 48 % в 1905.

Хлебопашество как основное занятие не выдерживало конкуренции с торговым земледелием, местными промыслами и отходничеством. Поэтому с 1792 по 1881 г. площадь пахотной земли в Ярославской губернии уменьшилась на 222 916 десятин (почти две с половиной тысячи квадратных километров — пятнадцатая часть нынешней территории нашей области), в основном за счет сокращения посевов зерновых. Отказ от возделывания худших участков позволил к 1899 г. немного повысить урожайность до уровня «сам-четыре» (по озимым) и «сам-3,3» (по яровым).

Поголовье крупного рогатого скота в 1901 г. превышало 350 тысяч голов, из них 287 тысяч дойных коров «ярославской» породы. Плюс к тому 206 тысяч овец и 8,5 тысяч свиней. Скотоводство вообще было отраслью специализации Ярославской губернии. В начале XX в. у нас на каждые 100 десятин посева приходилось 90 голов рогатого скота — больше, чем в среднем по России (70 голов). Обилие молока обеспечивало сырьем 400 маслоделен и 800 сыроваренных предприятий по всей губернии. Во 2-й половине XIX в. Ярославская губерния занимала 4-е место в стране по производству масла и 1-е по производству сыра.

Продолжало успешно развиваться торговое земледелие. В огородных селах Ростовского уезда вся бывшая пахотная земля

была под огородами. Появилась поуездная огородная специализация: «романовский» лук, «даниловские» огурцы и т. п. Относительно новым явлением стало товарное картофелеводство, снабжавшее многочисленные картофелетерочные и крахмалопаточные предприятия. На картофеле специализировались Ростовский, Даниловский, Ярославский и Угличский уезды.

С 1906 по 1916 г. на селе проводилась аграрная реформа (так называемая столыпинская), направленная на выделение крестьян из общины и превращение их в самостоятельных хозяев. Поскольку в Ярославской губернии доход, получаемый населением губернии на отходе и в промыслах, по оценочным данным, вдвое превышал весь доход от сельского хозяйства, то аграрная реформа не встретила у нас ни особого энтузиазма, ни большого сопротивления. Из общины вышли 30 064 хозяйства (14 % общего количества), что в полтора раза меньше среднероссийских показателей (22 % крестьянских дворов). Впоследствии, в ходе Гражданской войны, социально-экономическое устройство деревни откатилось назад, к общинным временам.

Вопросы для обсуждения

1. Что для ярославских помещиков было более выгодным — барщина или оброк, почему?
2. Почему в Ярославской губернии на протяжении XIX в. площадь пахотной земли уменьшалась?
3. На чем специализировалось сельское хозяйство Ярославской губернии?

4. Города и промышленное развитие Ярославской губернии в XIX веке

При изучении данной темы студентам следует обратить внимание на нехарактерную для нашего времени зависимость промышленного производства от годового цикла сельскохозяйственных работ. И кустарные мастерские, и мануфактуры, и паровые фабрики работали на полную мощность лишь поздней осенью, зимой и ранней весной. С началом сельхозработ значительная часть персонала работала в поле. Такой «рванный» ритм негативно сказывался

вался на квалификации работников, трудовой и исполнительской дисциплине, качестве продукции и контрактной культуре.

По состоянию на конец XVIII в. из городов губернии только Ярославль был крупным. В Ростове было 4 831 жителей, в Угличе — 5 815, в Романове — 2 099, в Рыбинске — 2 444, в Любиме — 1 297, в Пошехонье — 1 912, в Мологе — 2 473, в Мышкине — 682. На протяжении XIX в. города укрупнялись. Доля городского населения Ярославской губернии медленно увеличивалась с 4,9 % в 1824 г. до 6,6 % в 1836, 9,5 % в 1861, 13,7 % в 1897. Так же неспешно развивалась фабричная промышленность. Первый в губернии паровой двигатель появился в 1824 г. К 1861 г. известно об 11 предприятиях с паровыми машинами. Только к концу XIX в., в 1899 г., паровые котлы получили широкое распространение (на 180 фабриках и заводах работало 413 котлов). Численность фабричных рабочих в 1861 г. составляла 4,5 тысячи, в 1898 — 29 тысяч человек.

Оснащенные паровыми машинами фабрики не вытеснили ни традиционные мануфактуры (их продолжали создавать), ни даже кустарное ремесло (число сельских кустарей к концу века увеличилось до 26 тысяч). Почему так медленно развивалась машинная промышленность? Ведь рынок сбыта был — раз находились покупатели на продукцию ремесленников и мануфактур, то дешевые фабричные изделия тем более можно было продать. Рабочая сила была в избытке — крестьяне-отходники покидали пределы губернии именно из-за невозможности заработать дома. Причиной медленного промышленного роста была нехватка капиталов, обусловленная социально-экономической структурой общества. Почти весь прибавочный продукт (в виде оброка и барщины) принадлежал дворянам, которые расходовали его преимущественно на текущее потребление, причем нередко расходовали не в губернии, а в столицах или за границей.

Предприятия в нашей губернии создавались, как правило, купцами. Провинциальное купечество представляло собой узкий социальный слой, политически уязвимый (а в уездах — попросту бесправный, вспомните гоголевского «Ревизора»), и не очень-то состоятельный. Стремясь собрать необходимый капитал, купцы объединяли индивидуальные средства и создавали торговые до-

ма; к 1890 г. в Ярославской губернии было организовано 29 таких объединений. Как правило, низкий уровень взаимного доверия ограничивал круг учредителей близкими родственниками.

Даже во 2-й половине XIX в. капитал большинства торговых домов в наших краях не превышал нескольких десятков тысяч рублей, и капитал лишь двух ярославских торговых домов «(Порфирия Оловянишникова сыновья» и «Наследники Н. А. Вахрамеева») превосходил 200 тысяч рублей. Понятие «миллионер» (тогда говорили «миллионщик») являлось не деловым термином, а элементом сказочного фольклора, наряду с Кощеем Бессмертным и Тридевятым Царством. Становятся объяснимыми высокие темпы советской индустриализации XX в., не ограниченной масштабами частных капиталов.

В кругу ярославских предприятий XIX в. особняком стоит Большая Мануфактура (ЯБМ) (куплена Карзинкиными). Она была на голову крупнее и выше других по организационно-техническому уровню, занимая 4-е место по масштабу среди текстильных предприятий Российской империи. К 1900 г. на ЯБМ трудились более 9,5 тысяч рабочих; действовали 18 паровых машин и 650 турбин общей мощностью 9,5 тысяч лошадиных сил (по 1 лошадиной силе на каждого рабочего); объем продукции около 10 миллионов рублей. Социальная сфера ЯБМ (общежития, школа, богадельня) также считалась безупречной и являлась предметом зависти и подражания для прочих промышленников не только губернии, но и всей страны.

Среди новых текстильных фабрик заслуживают упоминания Норская механическая льнопрядильня (1 047 рабочих в 1862), канатный завод Журавлевых под Рыбинском (более 400 рабочих в 1861), с 1871 г. — Романовская льняная мануфактура, с 1872 — льнопрядильная фабрика Локалова, с 1878 г. — Ростовская льнопрядильная и ткацкая фабрика Кекина. Позже появились хлопчаткацкая фабрика Ганшина в Ярославле, суконная фабрика около села Савинского Ростовского уезда, валяльный завод Кашина под Ярославлем.

В других отраслях промышленности работали 14 паровых мельниц, 4 ярославских табачных фабрики с 725 (на 1888 г.) рабочими, несколько крахмало-паточных, крахмальных и картофелетерочных заводов Понизовкина в Даниловском и Ярославском

уездах с сотнями рабочих (текстильное производство предъявляло спрос на крахмал), спичечная фабрика Дунаева в Ярославле (428 рабочих в 1894/95), свинцово-белильные заводы Сорокина и Оловянишниковых в Ярославле и Ярославском уезде, писчебумажные фабрики в Угличе (463 рабочих в 1900 г.) и в Угличском уезде (80 рабочих), костеобжигательный завод у станции «Волга» под Рыбинском (впоследствии — клеевой завод, 186 рабочих в 1900 г.), лесопильные заводы.

Появились фабрично-заводские предприятия «технологоемких» отраслей: с 1867 г. — химическое производство Понизовкина в Даниловском уезде, с 1870-х — завод минеральных смазочных масел в Константинове Романово-Борисоглебского уезда (205 рабочих в 1879 г.). В 1884 г. начала работать фарфорофаянсовая фабрика в деревне Песочной Романово-Борисоглебского уезда (659 рабочих в 1900 г.). Судостроительный, чугунолитейный и механический заводы Журавлевых (414 рабочих в 1900), с 1871 г. — чугунолитейный и механический завод Смолякова в Жукове Ярославского уезда (160 рабочих в 1900 г.), с 1886 г. — машиностроительный завод Ганшина в Ярославле (124 рабочих).

Новым фактором экономического роста, ускорившим развитие всех отраслей, стали построенные за казенный счет железные дороги. В 1870 г. появилась линия «Москва — Ростов — Ярославль», в 1871 г. — линия «Рыбинск — Бологое», связавшая Рыбинск с Санкт-Петербургом, в 1872 г. — «Ярославль — Вологда» (затем — далее на Архангельск), в 1887 г. — «Ярославль — Кострома». Железнодорожная инфраструктура заложила тенденцию «двухголовой» экономики нашей губернии, имевшей два хозяйственных узла. Ярославль был ориентирован на Москву, Рыбинск — на Санкт-Петербург. Лишь в 1898 г. Ярославль и Рыбинск соединила железная дорога.

Повысилась роль Рыбинска как транзитного центра водного транспорта. Город стал узловым центром торговли (в первую очередь хлебной) Поволжья с Петербургом, с годовым торговым оборотом до 5–6 миллионов рублей. Функционировали как передовая форма оптовой торговли — хлебная биржа, так и традиционная — крупная ярмарка. В период навигации население Рыбинска увеличивалось в 20–25 раз за счет грузчиков, перегру-

жавших товары, и бурлаков, тянувших суда вверх по рекам и каналам. К концу столетия Рыбинск достиг 25-тысячной численности и стал вторым по значению городом губернии после Ярославля с его 71,6 тысячами жителей.

Кроме рыбинской, работали ростовская и ярославская ярмарки. Впрочем, расцвет Ростовской ярмарки завершился к середине XIX столетия, затем обороты снизились (по сравнению с пиковыми значениями: 8,6 миллионов рублей в 1821 г.). В уездных городах и торговых селах продолжало действовать множество мелких ярмарок, имевших местное значение.

Вопросы для обсуждения

1. Можно ли назвать высокими темпы развития промышленности в Ярославской губернии? Чем это можно объяснить?
2. Какие отрасли промышленности были представлены в Ярославской губернии?

5. Человеческий капитал и становление индустриальной культуры

При изучении данной темы студентам следует пересмотреть свой взгляд на Ярославский край как на обычный провинциальный регион Европейской России. На основании сопоставления цифровых данных и разнообразных мнений современников (в том числе цитат из произведений художественной литературы), студенты должны понять, что 150–100 лет назад наши земляки были одними из самых трудолюбивых, грамотных и предприимчивых россиян.

В условиях аграрного перенаселения наши скудные почвы не могли обеспечить достойное существование, и крестьяне уходили в города на заработки по окончании сельскохозяйственного года, с осени до весны. В 40–50-х гг. XIX в. уходило на отход из губернии более 100 000 человек, до 25 % взрослого мужского населения. К началу XX столетия численность отходников увеличилась до 130 тысяч, к 1913 г. — до 250 тысяч.

Всего промыслами, а не своим хозяйством в начале XX в. было занято 75,8 % работоспособных мужчин, причем 47,8 % «промышляли» круглый год, т. е. фактически не были крестьянами. По этому показателю Ярославская губерния находилась на 2 месте в стране (после Московской губернии). Тем самым было преодолено вековое проклятье русского образа жизни — «рванный» годовой цикл, когда 4–5 месяцев адского труда в поле сменяются 7-месячным зимним бездельем. Несколько поколений отходников постепенно сформировали новый для России тип работника, привыкшего трудиться круглый год.

Тогда наше население было одним из самых грамотных в Российской империи (4-е место среди всех губерний, включая столичные), трудолюбивых, самостоятельных, предприимчивых и мобильных. Сельские жители в массовом порядке отъезжали на заработки в Петербург (около 60 % общего числа отходников) и в Москву (преимущественного из Угличского уезда). Их семьи, оставаясь в деревнях, вели хозяйство, содержали огромное поголовье скота (в несколько раз больше, чем сейчас), растили детей, сохраняя семьи в условиях долгой разлуки. Разумеется, раздельное проживание мужей и жен отнюдь не способствовало высокой рождаемости. Население Ярославской губернии за XIX в. увеличилось всего на 34,5 % (гораздо ниже, чем в среднем по стране) и в 1897 г. достигло 1 071 000 жителей.

Умение читать, писать и считать было для отходников насущной необходимостью. Поэтому тяга к образованию была очень сильной. Если в 1862 г. в губернии учились 5 % детей школьного возраста, в 1890 г. — уже 50 %. За этот период грамотность новобранцев выросла с 60 до 87 %. Редкая сеть сельских школ не могла пропустить через себя всех желающих; зачастую грамотные крестьяне на дому учили своих и соседских детей.

Ярославские отходники обеспечивали экономический подъем в столицах, вместо того чтобы, оставаясь в пределах своей губернии, развивать её. Но в городах Ярославской губернии было недостаточно капиталов для того, чтобы обеспечить занятость и достойный заработок. В 1990 г. в губернии насчитывалось всего-навсего 22 тысячи фабрично-заводских рабочих, к 1913 г. их количество увеличилось до 43,4 тысяч, к 1917 г. — 50 тысяч. Это совсем немного на фоне 1 миллиона 185 тысяч жителей губернии, из кото-

рых 935 тысяч находились (или считалось, что находились) в деревне в 1917 г. С народнохозяйственной точки зрения такое несовпадение мест проживания и мест приложения труда было нерациональным. Его преодоление было насущной задачей, которая решалась уже при Советской власти методами плановой экономики.

Именно высокое качество рабочей силы стало тем ключевым ресурсом, который обеспечил ускоренное развитие ярославской промышленности и высокие темпы роста в годы советской индустриализации. Наркоматы (впоследствии переименованные в министерства) стремились строить заводы в тех городах, где был подходящий персонал, способный освоить новую технику и технологию. Ярославское население, после десятилетнего вынужденного сидения в переполненных деревнях, пошло на заводы и фабрики.

Развитие ярославской промышленности в первые десятилетия XX в. основывалось на доиндустриальных способах организации производства. Нередко это было то же самое ремесло, просто осуществляемое в крупных масштабах и с применением новой техники. Вот пример середины 1920-х гг. На химическом заводе «Победа рабочих» (ныне — «Русские краски») умер химик-лаковар Шокин и лаковое производство остановилось. Больше никто не умел варить лаки. Нашли старого рабочего Матвеева, который работал с основания лакового завода и знал рецептуру изготовления лаков. Он-то и спас положение, помог возобновить производство. То есть никакой оформленной в документах технологии не было, были лишь мастера, владеющие профессиональными секретами.

Не хватало профессионально подготовленных руководителей и специалистов. Даже в 1930 г., в разгар индустриализации, в промышленности и строительстве Ярославского округа (в те годы Ярославль был всего-навсего окружным центром большой Ивановской промышленной области) насчитывалось 930 инженеров и техников (1,4 % к общему числу рабочих, при тогдашней норме 4 %). Из них 18 % с высшим образованием, 30 % — со средним, остальные — так называемые «практики», т. е. не имевшие профессионального образования. Некому и некогда было разрабатывать и внедрять техрегламенты. 1 ИТР на 70 рабочих — какая уж тут научная организация труда, дай бог успеть раздать задания и контролировать исполнение! Именно тогда закрепились печальная

традиция проводить планерки. Не было другой возможности наладить взаимодействие различных подразделений предприятия, кроме как собрать их руководителей в одном помещении и рассудить их взаимные претензии в режиме «ручного управления».

Освоение индустриальной производственной культуры пришлось на 1930–1950-е гг. Для этого потребовалось усадить за школьные и студенческие парты десятки тысяч человек. Если в 1928 г. в Ярославле было 43 учебных заведения с 14 850 учащимися, то на 1 января 1933 г. — 83 заведения с 35,4 тыс. учащихся (20 % населения города). Кроме школ, вузов, техникумов и фабрично-заводских училищ (ФЗУ) действовали производственно-политехнические курсы на заводах, рабочие технические школы, кружки техминимума. На некоторых предприятиях учились практически все, поголовно.

Умение быстро научить и включить в производство новый персонал сильно выручило ярославскую промышленность в годы войны, когда кадровый состав предприятий обновился на 60–80 %, и к январю 1945 г. даже на имевших «броню» от мобилизации оборонных и машиностроительных предприятиях оставалось только 35,2 % кадров с довоенным стажем, на железной дороге — 17 %.

Улучшалась организация труда и росла его интенсивность. Этот процесс под нажимом отраслевых наркоматов (будущих министерств) и местных партийных органов неизбежно принимал форму «социальной мобилизации», т. е. массовых кампаний. То все газеты начинали прославлять работниц, овладевших мужскими профессиями; на предприятиях массово принимали женщин на традиционно мужские рабочие места. Так, например, преимущественно мужская профессия ткача буквально за пару сталинских пятилеток превратилась в привычно женскую. То разворачивалось движение за многостаночное обслуживание (рабочий должен был работать на нескольких станках), то кампания за работу бригад с сокращенной численностью (работать «за себя и за того парня»). 26 июня 1940 г. вышел указ о семидневной рабочей неделе и запрете самовольного ухода с работы. Указ отменял выходные дни и запрещал увольняться по собственному желанию, т. е. фактически вводил крепостное право.

Особенно важным стало стахановское движение, в рамках которого резко выросла интенсивность труда. Средняя выработка

на 1 ярославского рабочего с 1928 по 1932 г. выросла на 64 %. По воспоминаниям старых работников, изготавливавших тертые краски еще до революции, «такую норму мы у Вахрамеева неделю терли, а тут в смену!» Хотя сопротивление персонала жестко подавлялось, в ярославской прессе все же отмечались «случаи избияния общественников и рабочих-ударников». В 1940 г. уже 40 % ярославских рабочих были стахановцами и ударниками. Внедрение на ярославских заводах поточных методов производства пришлось уже на годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Тогда же, с опозданием на четверть века, стали работать по суточному (на лучших предприятиях — по часовому) графику.

Бытовая индустриальная культура запоздала еще на целое поколение. На её внедрение не было ни денег, ни времени, ни сил. Например, при Резиноасбестовом комбинате был спроектирован комфортабельный (по тем временам) рабочий поселок с 4–5-этажными жилыми домами, магазинами, баней, прачечной, фабрикой-кухней, детсадами и яслями. Большинство этих зданий до сих пор стоят в начале проспекта Ленина. На строительство поселка было выделено 50 млн руб., почти в 14 раз меньше, чем на строительство самого комбината.

А в среднем по городу и в середине 1920-х, и к концу 1950-х на одного ярославца приходилось по 5 квадратных метров жилья. Длительное время условия даже ухудшались: с 1926 по 1936 г. население города удвоилось, а жилая площадь выросла лишь в полтора раза. Большинство жило в коммунальных квартирах, нередко по 10–15 семей на одну кухню и туалет. Лишь с массовым жилищным строительством 1960-х гг., при Н. С. Хрущёве, и с переселением из коммунальных квартир в отдельные ярославцы начали жить по-человечески.

Вопросы для обсуждения

1. Как объяснить незначительный (по сравнению с другими губерниями) прирост населения нашего региона в XIX в.?
2. Кому было выгодно, а кому невыгодно разворачивание в Ярославской области стахановского движения?
3. Работа на ткацком станке — это мужская или женская профессия?

6. Колхозный период в жизни ярославского села

При изучении данной темы следует обратить внимание на то обстоятельство, что социальное неравенство между городом и деревней в Ярославской области было больше и осознавалось населением острее, чем в большинстве других регионов СССР. Студентам целесообразно поинтересоваться, когда, откуда и почему приехали в Ярославль представители их рода.

После революционных событий 1917 г. и последовавшей за ними разрухи в ярославские деревни и села стали возвращаться тысячи людей, ранее работавших в столицах и прочих городах. Потеряв работу на питерских стройках и в московских трактирах, они были вынуждены кормиться крестьянским трудом. Несмотря на мобилизацию жителей губернии 130 тысяч на I Мировую и 80 тысяч на Гражданскую войну), сельское население за годы Гражданской войны увеличилось на 150 тысяч человек; за первое послереволюционное десятилетие — на 20 %. Число крестьянских хозяйств ежегодно прибывало на 4 тысячи и к 1929 г. достигло 255 тысяч хозяйств.

Период бедствий, связанных с большевистской продразверсткой, когда посевная площадь в Ярославской губернии сократилась на 2/3 (а поголовье крупного рогатого скота ополовинили), сменился распахкой заброшенных земель. В 1925 г. посевная площадь превысила довоенный уровень; в губернии было 200 000 лошадей (на 26 % больше довоенного количества), 560 000 голов крупного рогатого скота (на 25 % больше), 725 000 овец (на 28 % больше), 52 000 свиней (почти в 7 больше). Земли не хватало, в уездах имело место аграрное перенаселение.

Если говорить о количественных показателях, то налицо подъем сельского хозяйства. Если же рассматривать ситуацию в ярославской деревне с народнохозяйственной точки зрения, то имело место нерациональное использование ресурсов, в первую очередь трудовых. Для грамотных и самостоятельных ярославских мужиков вынужденный крестьянский труд был менее производителен и эффективен, чем высокооплачиваемая работа в городе. Процент беспосевных крестьян (т. е. имевших возможность заработать на жизнь вне деревни) к 1926 г. упал

до 2,6 %. Происходила примитивизация экономики, возвращение в XVII–XVIII вв. К концу 1920-х гг. в деревне стало не хватать продовольствия, ввели карточки. Это был экономический тупик.

Выход из него нашли еще более безнадежный — началась коллективизация; крестьян сгоняли в колхозы (на начало 1938 г. в области было 7 786 колхозов). Колхозы, будучи наследниками барщинных помещичьих хозяйств, могли быть эффективны лишь там, где уже есть опыт крупного сельскохозяйственного производства, где умеют маневрировать ресурсами, координировать труд сотен людей, планировать севооборот, поддерживать трудовую и исполнительскую дисциплину. Например, в черноземных областях, где вплоть до 1918 г. помещики хозяйствовали в своих имениях с привлечением наемных сельхозработчих, где навык и традиции крупного сельхозпроизводства еще не были утрачены к 1930-м годам.

Но Ярославская губерния была оброчной. Крупных помещичьих хозяйств было мало, их эффективность оставляла желать лучшего. Крестьяне, от отцов и дедов перенявшие привычку не работать на барина и прочее начальство, а откупаться от него деньгами, не годились на роль колхозников-коллективистов.

Колхозный период в жизни ярославского села отчетливо делится на 3 этапа. На первом этапе — сталинском (1929–1953) — из сельского хозяйства выкачивали ресурсы на цели индустриализации. Второй этап — хрущёвский (1953–1964) — ознаменовался попытками найти равновесие между потребностями сельского хозяйства и интересами других отраслей. На третьем этапе, который можно условно назвать «брежневским» (хотя на него пришлись и годы правления других Генеральных секретарей ЦК КПСС) (1964–1991), происходило масштабное перераспределение ресурсов в пользу сельского хозяйства. Но избранная модель колхозно-совхозного устройства села была такова, что независимо от того, выкачивались из сельского хозяйства ресурсы или закачивались в него, эффективность была одинаково низкой.

В первые годы после коллективизации, во второй половине 1930-х, когда ярославская деревня еще не была разорена, а сельхозтехника кое-где уже появилась, удалось поднять среднюю урожайность зерновых до 10–11 центнеров с гектара (по сравнению с 6,6 ц/га в 1905–1915 гг.). В последующие 4 десятилетия урожай-

ность колебалась вокруг этих цифр, иногда снижаясь (6,6 ц/га в 1956 г. и 6,7 ц/га в 1964), иногда повышаясь (13,6 ц/га в 1967 г., 19 ц/га в 1970 г. 12,8 ц/га в 1987), т. е. «сам-четыре» или «сам-пять» по старому крестьянскому счету. Среднегодовые надои колхозных коров так и не достигли дореволюционного уровня и, как правило, не дотягивали до 2 тонн молока (в некоторые годы, например в 1940, 1947, 1952, 1953, «проваливаясь» до 1 тонны, как от козы).

Продолжала действовать заложенная в 1920-х гг. тенденция к примитивизации аграрного сектора. Повсеместно, даже в традиционно огородных селах вокруг озера Неро, стали сеять пшеницу. Её посевы увеличились в разы. В 1937 г. обрабатываемая площадь превышала третью часть всей территории области и была на 31,2 % больше, чем до революции. Но уже через несколько лет колхозы не смогли возделывать эти угодья и начали постепенно сокращать пашню. К 1966 г. посевные площади уменьшились с одной трети до одной пятой части всей территории области, затем выведение земли из сельхозоборота ускорилось и приобрело необратимый характер.

В целом колхозы не смогли достигнуть довоенных показателей даже к 1950 г. Типичный трудодень (эквивалент оплаты дневного труда) ярославского колхозника начала 1950-х гг. составлял 50 копеек (цена стакана молока в магазине) и 500 граммов хлеба. Измученные нищетой и отсутствием перспектив, крестьяне старались под любыми предлогами переехать в город. Жизнь оставшихся скрасило появление электричества, радио и, что особенно важно, резиновых сапог (в том числе ярославского производства), облегчивших деревенский быт.

В «хрущёвские» годы государство подняло закупочные цены на продукцию сельского хозяйства, увеличило поставки сельхозтехники. В результате денежные доходы жителей села увеличились в два раза. На треть выросла урожайность основных сельхозкультур. Это спасло колхозы и совхозы от окончательного развала, но не могло вывести его из депрессивного состояния.

Время от времени государство пыталось решить проблемы сельского хозяйства путем проведения масштабных реформ, чаще всего неоправданных. Так, в 1950 г. правительство начало акцию по укрупнению колхозов и превращению их в агрогорода. 3 900 колхозов Ярославской области были объединены в 960. Бы-

ло объявлено о постепенном отказе от личных приусадебных участков колхозников. Десятилетие спустя серьезный удар сельскому хозяйству области нанесла так называемая кукурузная кампания, в результате которой 40 % всех посевных площадей было засеяно этой нетипичной и не вызревающей в нашей местности культурой. «Финальным аккордом» стал осуществляемый в 1970–1980-е гг. перевод скота из небольших ферм (располагавших своей кормовой базой) в гигантские животноводческие комплексы. Свезенные в комплексы коровы и свиньи поедали дорогостоящее импортное зерно и успешно разоряли экономику.

Управление в хозяйствах отличалось крайней неэффективностью. Типичный рабочий день начинался с так называемого «утреннего развода», когда специалисты, бригадиры и механизаторы съезжались к зданию правления и в течение 40–50 минут получали задания на текущий день. Более длительный горизонт планирования был нереален: все силы управленцев поглощало устранение провалов и затыкание дыр, образовавшихся вследствие поголовной неисполнительности и головотяпства.

В 1970-е гг. начались серьезные финансовые вливания в аграрный сектор Ярославской области. Закупочные цены на основные виды сельхозпродукции в среднем в 3 раза превышали мировой уровень (в пересчете на стоимость сельхозтехники и горючесмазочных материалов). В три раза увеличилось количество тракторов, созданы большие механизированные фермы, свинокомплексы и птицефабрики. С 1966 по 1985 г. основные производственные фонды выросли в пять раз, энерговооруженность — в 5,3 раза. Завершена электрификация деревни, построены школы. Началось строительство асфальтовых дорог. Городские предприятия и учреждения были обязаны в принудительном порядке помогать колхозникам убирать урожай (ездить «на картошку»), строить объекты соцкультбыта и т. д.

Реальной отдачи от масштабных государственных инвестиций не последовало. 70 % колхозов были нерентабельными. Показатели в сельском хозяйстве области вплоть до распада СССР существенно отставали от показателей по стране в целом.

Вопросы для обсуждения

1. В чем причины неэффективности ярославских колхозов и совхозов?
2. Какие изменения происходили в сельскохозяйственной политике государства в 1930–1980-е гг.? Они носили позитивный или негативный характер?
3. Надо ли в Ярославской области в XXI в. восстанавливать характерные для XIX и XX столетий масштабы сельскохозяйственного производства, распашки земель и поголовья скота?

7. Промышленность, строительство и транспорт Ярославской области в советский период

Для более глубокого восприятия материала по данной теме студентам целесообразно подготовить краткие сообщения о том, на каких предприятиях работали в советское время их дедушки и бабушки (или иные старшие родственники); в чем состояли их трудовые обязанности, что они помнят об этих предприятиях.

Скромная по масштабам промышленность Ярославской губернии строилась на здоровой основе — её продукция удовлетворяла спрос населения. Половина рабочих трудилась в текстильной промышленности, 15 % — в пищевой. В 1913 г. удельный вес производства средств производства составлял по губернии лишь 15,4 %. Почти такая же структура производства сохранялась до конца 1920-х гг., когда $\frac{3}{4}$ промышленной продукции Ярославской области представляли собой предметы потребления: муку, ткани, одежду, обувь, папиросы, посуду, продукты питания. Годы сталинских пятилеток изменили это соотношение на противоположное: к 1940 г. 70,5 % валового объема промышленности составляла доля производства средств производства (шин, оборудования, технических тканей, грузовых машин, каучука, авиадвигателей, кабеля и т. п.); затем этот показатель стабилизировался на уровне 80 %. Заводы, отодвинув в сторону рядового потребителя, с каждым годом делали друг для друга все больше сырья, оборудования и комплектующих изделий.

Чем больше заводов строилось, тем сложнее было заманить на них рабочих, получить лимиты на электроэнергию, газ и водопотребление. В 1937 г. на 587 крупных промышленных предприятиях Ярославской области работали 204 тысячи человек. Это был уже достаточно высокий уровень индустриализации, поддержание которого требовало немалых природных и человеческих ресурсов. А вводились все новые и новые заводы. Главными отраслями были машиностроение (в значительной степени военное), химическая и текстильная промышленность.

В Ярославле был построен гигантский Резиноасбокомбинат, вскоре разделенный на крупные предприятия: шинный завод, фабрику технических тканей (корд для изготовления шин), завод РТИ (резинотехнические изделия — прокладки, ремни и т. д.), завод асбестотехнических изделий (ныне — «Фритекс»), завод «Полимермаш» (пресс-формы для изготовления шин). Прочие заводы: сажевый завод (ныне — завод техуглерода; производство сажи для получения резины), завод топливной аппаратуры (ЯЗТА, насосы для дизельных двигателей), электромашиностроительный завод (электродвигатели), завод синтетического каучука (СК), «Ярославрезинотехника» (широкая гамма резиновых изделий), «Полиграфкомбинат» (печатная продукция), огромный нефтеперерабатывающий завод (НПЗ, ныне — «Ярославнефтеоргсинтез»), завод дизельной аппаратуры (ЯЗДА, насосы для дизельных двигателей), завод силикатного кирпича (ЯЗСК), норский керамический завод (НЗКСМ; красный кирпич), завод холодильных машин («Холодмаш»), химзавод «Луч» (пластмассовые изделия, краски, игрушки, канцтовары), инструментальный завод, заводы железобетонных конструкций (ЖБК), шиноремонтный завод, «Машприбор» (литые детали для точного оборудования), несколько теплоэлектроцентралей (ТЭЦ, электроэнергия и горячая вода) и еще ряд других.

Кроме того, реконструированы и расширены дореволюционные предприятия: автомобильный завод (впоследствии моторный, ЯМЗ; дизельные двигатели), «Свободный труд» и «Победа рабочих» (лаки и краски), комбинат «Красный Перекоп» (технические ткани), «Красный Маяк» (виброукладчики бетона), радиозавод, «Пролетарская свобода» (деревообрабатывающее оборудо-

дование), катерный завод (ныне судостроительный завод), обувная фабрика «Североход».

В Рыбинске созданы приборостроительный завод (приборы для военной промышленности), кабельный завод («Рыбинскабель»), «Полиграфмаш» (печатные машины), Волжский машиностроительный завод (оборудование для атомной промышленности), завод дорожных машин («Раскат», дорожные катки), оптико-механический завод «Призма», завод «Магма» (электротехническая продукция), завод гидромеханизации (земснаряды), станкостроительный завод, завод пластмасс, другие предприятия. Построена ГЭС с водохранилищем, затопившим 5 000 квадратных километров, на которых в 663 деревнях и городе Молога жили 130 тысяч человек. Реконструированы и расширены «Русский Рено» (завод авиадвигателей «Рыбинские моторы», ныне — НПО «Сатурн»), судостроительные предприятия.

В Угличе: ГЭС, угличский часовой завод, ремонтно-механический завод (РМЗ, понтоны), экспериментальный ремонтно-механический завод (УЭРМЗ) и сырзаводы. В Переславле: фабрика киноплёнки («Славич»). В Ростове построены ростовский оптико-механический завод (приборы ночного видения, прицелы) и автоагрегатный завод (комплектующие для автопрома). В Тутаеве — завод дизельных агрегатов (ныне — ТМЗ, дизельные двигатели и детали к ним). В Гаврилов-Яме — завод «Агат» (топливорегулирующая аппаратура авиационных двигателей).

Количество заводов, созданных в Ярославской области за 60 лет советского индустриального развития, ненамного превышает приведенный в одной из предшествующих глав перечень фабрик, построенных в губернии в неторопливом XIX в. Однако, чтобы приравнять по масштабу среднюю дореволюционную фабрику к типичному советскому заводу, следует добавить ноль к цифре, обозначающей численность персонала, и два ноля к цифре, характеризующей стоимость основных фондов и производственную мощность. У социалистической индустриализации совсем другой размах.

Набор предприятий, учреждений и организаций был продуман до мелочей. Планирующие органы старались для каждой отрасли ярославской экономики построить цепочку «наука — конструирование образцов — проектирование предприятий — под-

готовка кадров — производство». Конструкторское бюро ЯМЗ разрабатывало новые модели дизелей, проектный институт «Гипродвигатель» (около тысячи работающих) проектировал реконструкцию цехов под новый двигатель, специализированное ПТУ № 2 (ранее — ФЗУ № 2, ныне — Профессиональный лицей № 2) готовило рабочих для производства новой модели, Ярославский автомеханический техникум учил техников, а автомеханический факультет Ярославского технологического института (ныне — Ярославский политехнический университет) — инженеров соответствующего профиля. Повышение квалификации инженерно-технических работников (ИТР) возлагалось на институт повышения квалификации (ИПК) Минавтопрома.

Вокруг производства шин была выстроена аналогичная система: проектный институт «Резиноасбопроект» проектировал строительство и реконструкцию шинных заводов, оборудование для них разрабатывал НИИШИНМАШ, изготавливал завод «Полимермаш», техников учили в Ярославском химико-механическом техникуме, инженеров — в Ярославском технологическом институте. Периодическая переподготовка ИТР — в ИПК Миннефтехимпрома.

По такому же принципу сотрудничали со «своими» заводами научно-исследовательские и проектные институты ГИПИ ЛКП (лаки и краски), ПТИОМЭС (строительство), НИИтекстканей, НИИ ПК УПН (сажа), НИИАТИ (асбест), НИИМСК (синтетический каучук), Гипроприбор (приборостроительные заводы), Промстройпроект, ВНИИМС (единственный на весь СССР институт маслосыроделия в Угличе) и другие.

Строительство, которое в доиндустриальную эпоху осуществлялось множеством кустарных артелей, теперь было организовано на промышленный манер. Подряды на строительство объектов получали крупные тресты (что-то вроде строительных заводов): «Ярхимпромстрой», «Ярнефтехимстрой», «Яргоржилстрой» и другие. Вместо цехов у трестов были строительно-монтажные управления (СМУ), выполнявшие те или иные виды работ. В идеале строительный комплекс должен был действовать как индустриальный конвейер, на основе специализации и кооперирования. В реальности так получалось далеко не всегда. Что касается качества управления в строительстве, то в Ярославской

области оно находилось посередине между сельхозпредприятиями, где соблюдение технологии имело вероятностный характер, и промышленностью, где соблюдение инструкций и сроков было скорее правилом, чем исключением.

Сочетание близости к Москве, речного порта и густой сети железных дорог позволило Ярославлю частично вернуть себе утраченную в начале XVIII в. роль транзитно-распределительного узла. Уже к концу 1950-х гг. объем транзитных грузов, ежегодно проходивших через ярославский железнодорожный узел, достиг 30 миллионов тонн. Здесь происходила перекачка нефти с танкеров в железнодорожные цистерны, перевалка рудничной стойки (бревен для шахт) с железной дороги на воду, прием сырья и материалов для предприятий области, отправка готовой продукции. Причем в речном порту грузов принимали в 2 раза больше, чем отправляли, что косвенно свидетельствует о высоком уровне развития экономики области: к нам шло сырье, а уходила готовая продукция.

Благодаря высокому качеству человеческого потенциала и удачному географическому расположению промышленность Ярославской области долгое время развивалась быстрее других. Именно по этой причине традиционные резервы индустриального развития (в том числе рабочая сила) у нас были исчерпаны раньше, чем в соседних регионах. С начала 1970-х гг. темпы роста промышленного производства в Ярославской области резко снизились и стали существенно отставать от средних по России и СССР в целом.

Иначе говоря, в Ярославской области кризис плановой экономики начался на 3 пятилетки раньше, чем в остальной стране. Из-за нехватки рабочих $\frac{3}{4}$ дорогостоящего оборудования использовались только в 1 смену (полтора века назад в крестьянских семьях самодельный ткацкий станок зачастую работал круглосуточно). Конкуренция предприятий за рабочую силу повлекла за собой рост оплаты труда, в результате чего по размеру средней заработной платы Ярославская область стабильно занимала 3-е место в Центральной России — сразу после Москвы и Московской области.

Столкнувшись с ресурсными ограничениями, наши заводы были вынуждены сделать упор на рост производительности тру-

да и качества продукции. Например, ЯМЗ за несколько лет удвоил моторесурс дизельных двигателей, ЯШЗ увеличил пробег шин, Рыбинский моторостроительный завод (сегодняшнее НПО «Сатурн») внедрил комплексную систему научной организации труда. В целом промышленность Ярославской области являлась одним из признанных лидеров повышения культуры производства в СССР, и увеличение объемов валовой продукции в 1966–1970 гг. (8-я пятилетка) было на 85 % получено за счет роста производительности труда.

Кроме забот о производстве, заводская администрация тратила много сил и энергии на противодействие министерскому диктату, на манипулирование отчетностью ради получения дополнительного материально-технического снабжения и заниженного плана. Предприятия обзавелись неучтенными мощностями, выполняли друг для друга «левые» работы, за счет которых решали социально-бытовые проблемы персонала. Так, Ярославское транспортное управление из неучтенных материалов и «заначки» на зарплату возвело в Петровске Ростовского района 12-квартирный дом для своих сотрудников. Построить-то построили, а взять на баланс не могут! Ведь дом возник «из ничего», официально не него не выделялось материалов и денег. В конце концов волевым решением директора дом приняли на баланс по статье «Имущество, обнаруженное при инвентаризации».

Вопросы для обсуждения

1. Было ли экономически оправданным строительство Рыбинской ГЭС и создание Рыбинского водохранилища?
2. Каковы отрасли специализации ярославской промышленности в советские годы?
3. По каким причинам в последние десятилетия плановой экономики средняя зарплата в Ярославской области была одной из самых высоких в Центральной России?

8. Экономика Ярославской области в постсоветские годы

Главная трудность, с которой сталкиваются студенты при изучении этой темы — избыток фрагментированной и противоречивой информации. Чтобы за россыпью явлений увидеть тенденции, студентам следует сгруппировать известные им факты по отраслям и сферам деятельности, а затем разместить сгруппированные факты на шкале времени (за последние три десятилетия). Тогда тенденции и закономерности станут очевидны.

1 января 1992 г. плановая экономика была официально заменена рынком. Бывшие советские заводы и колхозы должны были сами искать себе поставщиков и потребителей. Для предприятий Ярославской области это было особенно сложно, т. к. промышленность области, как правило, производила не конечную продукцию, а агрегаты и комплектующие детали, которые превращались в готовые товары уже за пределами нашей области. У ярославских предприятий не было доступа к конечному потребителю, который платил бы деньги за автомобили, самолеты, оборудование; они зависели от милости сборочных заводов. Наши предприятия не могли сменить недобросовестного партнера, т. к. технологически были привязаны к определенному заводу-потребителю.

Глубокий спад первой половины 1990-х гг., особенно в машиностроении и в текстильной отрасли, привел к тому, что в 2005 г. индекс промышленного производства области составил только 60 % от уровня 1990 г.; хуже, чем в среднем по стране (74%). Обедневшие промышленные предприятия перестали строить дома для своих сотрудников, и объемы жилищного строительства упали в разы (с 671 тыс. кв. метров в 1990 г. до 132 тыс. в 2000, а затем частично восстановились до скромной величины 291 тыс. м в 2010 г.). Лишь впоследствии, с ростом доходов населения в годы высоких нефтяных цен, жилищное строительство снова стало набирать обороты, достигнув в 2018 г. 875 тыс. кв. м.

Если в последнем советском поколении самым массовым занятием была работа на заводе или на стройке, то в постсоветский период структура занятости усложнилась.

Часть людей ушла из промышленности и науки в малый бизнес. Сегодня на более чем двух с половиной тысячах действующих малых предприятий работает каждый восьмой житель области. Другая часть населения перешла в бюджетные организации. Самые «удачливые» стали чиновниками — почти 20 тыс. человек в 2019 г. (доля муниципальных служащих в населении Ярославской области в полтора раза выше, чем в среднем по стране).

В 2000-е гг., после экономической стабилизации, в Ярославскую область начали приходить инвестиции (в том числе иностранные), стали строиться новые предприятия. Можно быть уверенным в том, что ярославская промышленность не исчезнет и будет обновляться. Но она уже не будет главной отраслью областной экономики и основной сферой приложения сил нашего населения. Численность персонала новых предприятий на один-два порядка меньше, чем в пору строительства заводов индустриальной эпохи.

Что касается сельского хозяйства Ярославской области, то распространено мнение об экономической катастрофе, разразившейся на селе с 1991 г. После коллапса колхозов и совхозов в ряде районов сельхозпроизводство сжалось до размеров приусадебных участков. По всей области в сельхозпредприятиях работает меньше 12 тысяч человек (примерно 1 % населения). Площадь пашни под зерновыми и техническими сократилась до 55–60 тысяч гектаров (это полтора процента территории области, т. е. в 20 раз меньше, чем в 1930-е гг., и в 13 раз — чем в 1960-е). поголовье крупного рогатого скота с 1990 г. по настоящее время снизилось почти в 3,5 раза (до 116 тысяч, в том числе 53 тысяч коров), свиней — в десятки раз (до 4,8 тысяч голов). Дееспособными остались преимущественно хозяйства вблизи Ярославля и Рыбинска, расположенные рядом с потребителями.

Если же посмотреть на динамику сельхозпроизводства в ретроспективе, то обнаружится, что падение площадей и поголовья 1990–2000 гг. является продолжением долгосрочной тенденции, проявлявшейся еще в XIX в. Северное земледелие перестало быть выгодным и начало сокращаться после того, как были введены в оборот черноземы южных губерний. Экономически обоснованное уменьшение запашки и поголовья было искусственно прервано в годы плановой экономики, стремившейся любой ценой повысить объем сельхозпроизводства. С 1990-х, с возвращением рынка, сель-

ское хозяйство Ярославской области за три десятилетия рухнуло настолько, насколько оно равномерно сокращалось бы на протяжении XX столетия, если бы рынку не мешали.

Сегодня в нашей области пахут там, где хорошая почва; скота разводят столько, сколько могут обеспечить кормами и уходом. Выяснилось, что нехватки рабочих рук на селе нет. Средняя по области производительность труда достигла вполне приличной величины в два миллиона рублей в год; уровень надоев с советских времен удвоился и приблизился к 4 тоннам с коровы. Урожайность зерновых также примерно удвоилась по сравнению с многолетней средней величиной колхозного периода. Налицо не разруха, а долгожданное оздоровление отрасли.

Структура собственности начиная с 1991 г. неоднократно трансформировалась. В первые годы после распада СССР министерская управленческая вертикаль уже не работала, но предприятия формально оставались государственной собственностью. Фактически ими распоряжались их руководители, «красные директора». Затем последовала приватизация, и на большинстве заводов директора сумели сохранить контроль (где через покупку контрольного пакета акций, где через «распыление» акций в коллективе и манипулирование подчиненными). В этот период реальными хозяевами экономики Ярославской области являлись несколько десятков человек. С ними согласовывали все важные вопросы губернатор и мэры городов, как когда-то древнерусские князья с ближними боярами.

С конца 1990-х — начала 2000-х гг. предприятия области начали переходить в руки финансово-промышленных групп федерального масштаба. Крупные заводы, оставшиеся в руках местных собственников, представляют собой редкие исключения. Статус главных ярославских богачей перешел от промышленников к владельцам недвижимости и девелоперам. В малом бизнесе развернулись аналогичные процессы. Федеральные и зарубежные торговые сети («Метро», «Глобус», «Эльдорадо», «Магнит», «Х5», «РИО» и другие) построили в городах свои торговые центры и разорили значительную часть местных магазинов.

Развернувшийся процесс глобализации сулит неплохие перспективы двум быстро развивающимся отраслям экономики Ярославской области. Во-первых, это офшорное программирование.

В Ярославле уже работают на мировой рынок несколько десятков таких фирм. Крупнейшая из них — «Тензор» (5тысяч человек персонала, в том числе 2 тысячи в Ярославле). Во-вторых, въездной туризм. Наша область относится к одному из наиболее насыщенных памятниками истории и культуры регионов страны, входит в туристический маршрут «Золотое кольцо», пересекается Волгой и расположена недалеко от обеих столиц. 5 тысяч зданий имеют статус памятников — третье место в стране, после Москвы и Санкт-Петербурга. В 2019 г. города области посетили 4 миллиона 800 тысяч туристов.

Скорее всего, для нашей области ближайшие два — три десятилетия станут временем диверсификации экономики и повышения доли сферы услуг.

Вопросы для обсуждения

1. Как вы думаете, в XXI в. численность населения Ярославской области будет увеличиваться, снижаться или останется неизменной? Почему?

2. Каковы, по вашему мнению, главные экономические проблемы Ярославской области?

3. Какие отрасли хозяйства Ярославской области имеют наилучшие перспективы?

Литература

1. Ярославский край : сб. документов по истории края (IX–1917) / под ред. П. И. Козлова. — Ярославль, 1972.
2. Ярославский край в документах и материалах (1917–1977 гг.) / под ред. Р. В. Балашова и др. — Ярославль, 1980.
3. Марасанова, В. М. Ярославский край в XVIII веке: учеб. пособие / В. М. Марасанова. — Ярославль, 1997.
4. Марасанова, В. М. Ярославские губернаторы / В. М. Марасанова, В. П. Федюк. — Ярославль, 1998.
5. Прохоров, А. П. Инструкция по выживанию / А. П. Прохоров, Е. В. Диунова. — Ярославль, 1999.
6. История Ярославского края с древнейших времен до конца 20-х гг. XX века / под ред. А. М. Селиванова. — Ярославль, 2000.
7. Майн, Е. Р. Экономика региона : проблемы комплексного развития (на материалах Ярославской области) / Е. Р. Майн. — М., 2001.
8. «Золотой век» Ярославля : Опыт культурографии русского города XVII — первой трети XVIII века / под ред. Д. Ф. Полознева. — Ярославль, 2004.
9. Рязанцев, Н. П. История Ярославского края (1930–2005 гг.) / Н. П. Рязанцев, Ю. Г. Салова. — Ярославль, 2005.
10. Экономика Ярославской области : метод. указания / сост. А. М. Козырева. — Ярославль, 2008.
11. Энциклопедия Ярославского края с древнейших времен до 1917 года / под ред. Ю. Ю. Иерусалимского. — Ярославль, 2009.
12. Города Ярославской области (4 книги в серии «Библиотека ярославской семьи») / А. Ю. Данилов и др. ; под общ. ред. В. В. Горошникова. — Рыбинск, 2015.
13. Информация о регионе / Экономика [Электронный ресурс]. Экономика Ярославской области. — URL : <http://Varoslavl.rfn.ru/region.html?rid=60>
14. Ярославльстат. Социально-экономическое положение Ярославской области в 2019 году. — URL : <https://yar.gks.ru/storage/mediabank/%D0%9010231021219.pdf>

Оглавление

Введение	3
1. От присваивающего хозяйства — к производящему.	
Славянская колонизация и развитие земледелия.....	4
Вопросы для обсуждения	8
2. Городское ремесло и торговля. Государство и экономика..	8
Вопросы для обсуждения	13
3. Сельское хозяйство Ярославского края	
в XVIII–XIX веках	14
Вопросы для обсуждения	18
4. Города и промышленное развитие Ярославской губернии	
в XIX веке	18
Вопросы для обсуждения	22
5. Человеческий капитал и становление индустриальной	
культуры	22
Вопросы для обсуждения	26
6. Колхозный период в жизни ярославского села.....	27
Вопросы для обсуждения	31
7. Промышленность, строительство и транспорт	
Ярославской области в советский период	31
Вопросы для обсуждения	36
8. Экономика Ярославской области в постсоветские годы ...	37
Вопросы для обсуждения	40
Литература.....	41

Учебное издание

Прохоров Александр Петрович

**Экономика Ярославского региона:
история и современность**

Учебно-методическое пособие

Редактор, корректор М. Э. Левакова
Верстка М. Э. Леваковой

Подписано в печать 29.04.2020. Формат 60×84 1/16.

Усл. печ. л. 2,56. Уч.-изд. л. 2,0.

Тираж 3 экз. Заказ

Оригинал-макет подготовлен
в редакционно-издательском отделе ЯрГУ.

Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова.
150003, Ярославль, ул. Советская, 14.

